

«А СЫН ДЕ ЕГО ИВАШКО В ТЕ ПОРЫ БЫЛ МОЛОД, ТОЛКО 12 ЛЕТ»: ИСТОРИЯ ИВАНА ГРИБОВА ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЕЙНОГО СПИСКА С.И. КОЗЛОВСКОГО И ДЬЯКА И. ЗИНОВЬЕВА 1647-1648 ГГ.¹

Копанева Дина Дмитриевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет
st036379@spbu.ru

"AND HIS SON IVASHKO WAS YOUNG AT THAT TIME, ONLY 12 YEARS OLD": THE STORY OF IVAN GRIBOV BASED ON MATERIALS FROM THE ARTICLE LIST OF S.I. KOZLOVSKY AND CLERK I. ZINOVIEV 1647-1648²

D. Kopaneva

Summary: In the article, using the example of materials from the article list of S.I. Kozlovsky and clerk I. Zinoviev, in 1647-1648, who undertook a diplomatic trip to Iran, the story of Ivan Gribov, the son of an active figure in the diplomatic history of the 17th century, is considered. Anisima Gribova. At an early age, during a trip to Persia, Ivan Gribova, who came under the influence of others and converted to Islam, many years later expressed a desire to return to his homeland. In this, at the request of his father, he was provided with assistance from members of the embassy S.I. who were in Iran at that moment. Kozlovsky and clerk I. Zinoviev. The article publishes for the first time an excerpt from the article list containing this episode, and provides an analysis of the circumstances surrounding it.

Keywords: 17th century, Iran, article lists, publication of sources, history of international relations.

Аннотация: В статье на примере материалов статейного списка С.И. Козловского и дьяка И. Зиновьева, в 1647–1648 гг. предпринявших дипломатическую поездку в Иран, рассматривается история Ивана Грибова – сына активного фигуранта дипломатической истории XVII в. Анисима Грибова. В раннем возрасте во время поездки в Персию попавший под чужое влияние и обращенный в ислам, Иван Грибов спустя много лет изъявил желание вернуться на Родину. В этом по просьбе отца ему была оказана помощь со стороны пребывавших в тот момент в Иране членов посольства С.И. Козловского и дьяка И. Зиновьева. В статье впервые публикуется отрывок статейного списка, содержащий данный эпизод, а также приводится анализ касавшихся его обстоятельств.

Ключевые слова: XVII век, Иран, статейные списки, публикация источников, история международных отношений.

Среди делопроизводственной документации XVII в., касающейся русско-персидских отношений, особый интерес представляют статейные списки русских послов, купчин и гонцов, отправляемых с дипломатическими миссиями в Иран. Данные списки, несмотря на обширный комплекс содержащейся в них информации, до сих пор довольно мало изучены. Между тем, в их составе, помимо вопросов, касающихся высокой дипломатии, обычно рассматриваемых подробно, содержатся малозначительные, на первый взгляд, детали, которые, при внимательном рассмотрении могут заполнить многие лакуны в наших знаниях о XVII веке.

Как писал Д.С. Лихачев, в процессе создания статейных списков «в них вносились черты живой действительности, свежих впечатлений, деловой язык смешивался в них с разговорным, развивалось искусство диалога, искусство ведения повествования», что также сыграло «большую роль в развитии русской прозы» [7, с. 346]. Многие из списков также можно почерпнуть, анализируя поступки и мотивы участников посольств, их внимание к тем или иным аспектам, деталям, впечатлениям и т. д. Особенную ценность это имеет с учетом того, что деятельность послов зачастую не ограничивалась дипломатическими рамками, а могла включать в себя участие в судьбе пленников, контакты с местным населением,

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-10037/>

2 The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10037 <https://rscf.ru/en/project/23-78-10037/>

торговые вопросы и т. д.

Подобные интересные эпизоды в большом количестве можно найти в статейном списке С.И. Козловского и дьяка И. Зиновьева, в 1647–1648 гг. предпринявших дипломатическую поездку в Иран. Список дошел до нас в составе дела, хранящегося в фонде № 77 «Сношения России с Персией» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) [11]. Посольство Козловского и Зиновьева, изобиловавшее непростыми ситуациями, оказалось весьма продуктивным, так как, помимо решения важных вопросов двусторонних отношений (например, о поставках селитры из Ирана в Москву), послам удалось получить копии секретной дипломатической переписки шаха Аббаса II [11, л. 507]. Данный статейный список стал предметом отдельного исследования [1], однако в силу объема содержащего его дела (почти 600 листов) осветить в рамках одной статьи все затронутые в нем события и вопросы не представилось возможным. Поэтому в настоящей статье речь идет об одном любопытном эпизоде этого посольства.

В сентябре 1648 г., согласно статейному списку, посольство Козловского и Зиновьева покинуло Исфahan [11, л. 403]. Незадолго до отъезда к послам обратился Анисим Грибов, рассказавший историю о своем сыне Иване, которого 8 лет назад он отправил в Шемаху «для торгового промысла». Там сын, которому, по словам Грибова, в ту пору было всего 12 лет, попал под влияние некоего Савки Арапова, убедившего мальчика принять ислам и завладевшего его имуществом. После этого Арапов отправил Ивана в Исфahan, отцу же велел сообщить, что тот умер в Гиляне. Теперь же, узнав, что Анисим находится в Исфahане, Иван пришел к отцу с просьбой помочь ему снова стать христианином и вернуться в Астрахань. Анисим, который по долгу службы в тот момент вынужден был остаться в Иране, опасался влияния на сына со стороны местных мусульман, которые могли убедить Ивана передумать. К послам же он обратился с просьбой взять сына с собой и довести до Терков. По прибытии послов в Кашан Анисим действительно прислал к ним сына в сопровождении терского посадского человека Ивашки Копчикова. Послы, велели им ехать с собой, благополучно доставили их в Терки.

Ниже нами приводится текст упомянутого эпизода:

«Как послы были в Ыспогани отпущены и от шаха отпущены, и к послом ко князю Савелью и к дьяку к Ивану приходил астароханец, Анисим Грибов, а сказывал: посылал де он из астарохани сына своего Ивашка в Шемаху для торгового промыслу тому осмой год, и у того де сына его видя многие животы вор и богоотступник Савка Арапов, а в бусурманской вере имя ему Маметкулко подговорил его в бусурманскую веру и животами его за-

владел. А Сын де его Ивашко в те поры был молод, толко VI (12) лет. И ис Шемахи де тот Савка сына его послал в Испогань, а к нему де Анисиму приказывал будто сын его Ивашко в Гиляне умер. А ныне сын его Ивашка, сведая про него, Анисима, что он в Испогани, пришел к нему на двор и говорит, чтоб ему вперед православные христианские веры не отбысть, и чтоб имо послал в Астарохань и ему де Анисиму в Ыспогани побыть, потому что он об указе писал к государю и чтоб сына его послы из Ыспогани взяли на Русь с собою. А он де Онисим держат иво у себя, опасаяца для того, чтоб его кизылбашане в бусурманскую веру по-прежнему от него не подговорили. И послы князь Савелеи и дьяк Иван Онисиму говорили: как они из Ыспогани поедут, и он бы Онисим того сына своего послал, а ехал бы шаховою землею з береженьем и будет за него в дороге ништо не поймаца, и он бы ехал с ними до Терка. И как послы приехали в Кашан и стали на стану, и прислал к послом Анисим Грибов сына своего Ивашка, а с ним приехал терченин посацкой человек Ивашко Копчиков, а говорил послом послал де его Ивана Онисим Грибов и велел ему сына своего Ивашка проводить до Терка. И послы тому терченину Ивашку Копчикову с Анисимовым сыном велели ехать с собою вместе. И приехал тот Анисимов сын Ивашко с послы на Терек» [11, л. 470, 471].

Эта история, очевидно, закончившаяся для ее участников благополучно, представляется весьма интересной сразу по нескольким причинам. Во-первых, в ней содержатся уникальные сведения о биографии Анисима Грибова – яркой фигуры дипломатической истории XVII в., о личной жизни которого другие источники повествуют крайне скудно. Все упоминания о Грибове в литературе опираются на материалы Посольского приказа и источники, хранящиеся в Бухарских и Хивинских посольских книгах, где он фигурирует как астраханский посадский человек [10; 12; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

В 1641–1643 гг. Грибов был направлен в качестве посланника в Хиву и Бухару. Статейный список по итогам этого посольства характеризуется в литературе как источник, бросающий «новый свет на всю внешнеполитическую обстановку, сложившуюся на огромной территории от Казахских ханств, Хивы, и Бухары до Персии и Могольской Индии» [24, с. 16–17]. Стараясь выполнить государев наказ, он собрал уникальные сведения относительно крайне сложного конфликта за Балх в 1647 г., когда в битве за древний город на территории современного Афганистана сошлись войска бухарского хана, казахского хана, балхского правителя, иранского шаха и падишаха империи великих моголов. В литературе отмечалось, что Грибов, фактически, выполнял обязанности человека более высокого служебного статуса и социального положения и прекрасно с ними справился [6, с. 153].

Упомянутый в приведенном отрывке Савка Арапов также является весьма любопытным историческим персонажем, который, безусловно, заслуживает отдельного исследования. Одно из наиболее подробных упоминаний о нем мы находим в списке царского гонца А.С. Романчукова, отправленного в Иран в 1636 г. Согласно этому списку, Арапов, находясь с торговым поручением царя в Шемахе, перешел в ислам, заодно присвоив средства из царской казны («15 выюков шелку, да шатровъ, да 13 верблюдов») [9, л. 1]. Романчукову было поручено вернуть его на родину, что, впрочем, оказалось невыполнимым и даже вызвало сложности для самого Романчукова, так как Арапову довольно активно покровительствовали местные власти [2, р. 14].

В дальнейшем Арапов (иногда в источниках называемый исламским именем Хваджа Савила или «Маметкулко») фигурирует в разных документах, касающихся, прежде всего, финансовых вопросов. Присутствует он и в статейном списке Козловского и Зиновьева, причем при весьма любопытных для рассматриваемого дела обстоятельствах. Так, во время обратного пути миссии через владения кумыкского уцмья Аббас-кули-хана Арапов, которого послы именуют «вором и богоотступником» [11, л. 443], при помощи людей уцмий силой забрал с собой бывшего при послахе Ивана Копчикова, который был должен ему «по кабале» 300 рублей. Попытки призвать на помощь сопровождающих послов для охраны шахских людей не увенчались успехом, так как те ответили, что Арапов теперь «живет за уцмеем и шаху учинился непослушник» [11, л. 444], вследствие чего они не могут на него повлиять. Примечательно, что именно Копчиков, как указывалось выше, привел к послам Грибова. Однако сделать однозначных и развернутых выводов о взаимосвязи этих двух случаев нельзя.

Также представляет интерес возраст Грибова на момент его обращения в ислам (12 лет). Для успешного осуществления посольской и торговой деятельности было необходимо знание языков, которыми, очевидно, владел Грибов. В своем исследовании о переводчиках и толмачах Посольского приказа А.Г. Гуськов отмечал, что основным путем обучения иностранным языкам русских были «погружения в среду», обусловленные семейными деловыми традициями, связями и службой, а также пребыванием в иностранной неволе [4, с. 128]. Оснований предполагать пребывание Грибова в плену в настоящее время нет, поэтому можно допустить, что знания были получены им во время службы или ранее в ходе ведения бизнеса. В этой связи кажется вероятным, что отец мог направить юного Ивана в Иран для приобретения коммерческих навыков и изучения языка. Подобный факт, например, известен о знаменитом коммерсante, чиновнике и дипломате XVII в. Алмазе (Ерофее) Иванове. Последний с малых лет проявлял интерес к торговле,

немало путешествовал в составе купеческих караванов и торговых судов, в результате чего выучил «турецкий и персидский языки, на которых говорил вполне свободно» [3, с. 24].

Конечно, вероятнее всего, Иван находился в Иране не один, а со взрослыми сопровождающими, однако в таком случае остается неясным, каким образом Арапов смог завладеть имуществом неопита. Ведь тогда «живот» после мнимой смерти мальчика должен был остаться в их руках. Однако этому факту можно найти вероятные объяснения: например, смерть сопровождающих, получение ими взятки и т. д. Интересен также вопрос о принятии Грибовым ислама. Как пишет Е.И. Забелин, наши послы «всегда много и горячо хлопотали» об отпуске с ними за выкуп или на размен русских пленных, при этом, что уместно особо отметить, разрешение забрать пленника давалось только при условии, что тот сам хочет вернуться и, главное, остался христианином [5, с. 31–32]. По данным В. Таки, в османском обществе принуждение к перемене веры было редким, так как «обращение в ислам снижало рыночную стоимость раба» [25, с. 78]. Можно предположить, что ситуация в Иране была схожей. Тем не менее, русские пленники часто выбирали вероотступничество, «потому, что иначе невозможно было освободиться от каторжной работы». Е.И. Забелин подчеркивает, что это затрудняло освобождение, так как «басурман вывозить вовсе не дозволялось» [5, с. 32]. Вместе с тем, как показывает анализ «Расспросных речей иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланных из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов», среди бывших пленников были лица, признавшие в совершении вероотступничества [8, с. 598–668].

Встречались даже те, кто менял веру с каждым новым хозяином. Так, крестьянский сын Корнюшка Иванов рассказывал, что «живучи у жидовина, веру держал жидовскую, и во храмы жидовские ходил», «живучи у турченина, веру держал татарскую и по-татарски малывался», а когда «жил у Греченина, веру держал с Греченином вместе русскую» [8, с. 654–655]. Московские власти, озабоченные вольным или невольным отрывом пленников от православных традиций, по возвращении их на Родину направляли «под начало» монастырь, по окончании пребывания, в котором «совершали обряд воссоединения пленника с истинной церковью» [25, с. 81]. Так, например, почти всех освобожденных из плена толмачей направляли для «исправления веры» на 6–7 недель «под начало» в московские монастыри (Чудов, Троицкий Богоявленский, Новоспасский) [4, с. 161].

Вопрос о православных подданных русского царя, находящихся в качестве пленников в Иране, неоднократно поднимался в ходе посольства Козловского и Зиновьева.

Так, например, благодаря их ходатайству был отпущен на Родину служивший в Терках астраханский стрелец Иван Онуфриев [11, л. 275]. При этом, другого пленника, за которого ходатайствовали послы, шах готов был отпустить лишь в том случае, если он был «не бусурманен», т. е., не принял ислам [11, л. 300]. Примечательно, что по поводу Ивана статейный список не фиксирует обращения к официальным властям. Возможно, здесь был важен факт того, что Грибов перешел в мусульманскую веру, не являясь пленником. Нельзя исключать и тот факт, что Ивана вывозили без согласования с персидской стороной, чем отчасти и могла быть объяснена спешка, с которой отец старался отправить его на родину. В пользу этого также

говорит факт, что Иван Грибов, по словам отца, успел все же принять ислам, и, как отмечалось выше, это могло стать препятствием для его законного выезда.

Таким образом, рассматриваемый эпизод позволяет нам получить ценные сведения о биографии и характере Анисима Грибова, сведения о которых в других источниках весьма скудны. Также он позволяет раскрыть подробности деятельности другого важного фигуранта русско-персидских отношений – ренегата Савелия Арапова. Помимо этого, отрывок предоставляет ценные сведения об одной из сторон деятельности послов, которые, наряду с обсуждениями политических вопросов, активно участвовали в судьбе русских пленников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Andreev A.A., Kopaneva D.D. Embassy of Prince Kozlovsky and Clerk Ivan Zinoviev // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2023. Vol. 68. Issue 3. Pp. 572–588.
2. Andreev A.A., Kopaneva D.D. Paradoxes and Realities of the Iranian Politics of the First Romanov // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2021. Vol. 66. Issue 1. Pp. 5–18.
3. Бердников Л.И. Евреи России в ливреях и без них: литературные портреты: (XV – начало X в.). Т. 1. М.: Вест-Консалтинг, 2022. 400 с.
4. Гуськов А.Г. Из неволи на дипломатическую службу: бывшие полоняники в Посольском приказе // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. Вып. 3. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2023. С. 128–162.
5. Забелин Е.И. Русские посольства в Турцию в XVII столетии // Русская старина. Т. XX. Кн. 9. СПб: Тип. В. С. Балашева, 1877. С. 1–34.
6. История предпринимательства в России. Кн. 1. От Средневековья до середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2000. 479 с.
7. Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII веков. Статейные списки. СПб.: Наука. 2008. С. 319–346.
8. Расспросные речи иноземцев и русских, возвратившихся из плена, присланные из Разряда в Патриарший дворцовый приказ для допросов // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. 1875. Т. 2. № 166. СПб.: Пантелеевы, 1875. С. 598–668.
9. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1636. Д. 1.
10. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1646. Д. 2.
11. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1647. Д. 1.
12. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1647. Д. 2.
13. РГАДА. Ф. 77. Оп. 2. 1647. Д. 2.
14. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1647. Д. 4.
15. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1650. Д. 2;
16. РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. 1653. Д. 2.
17. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1642. Д. 1.
18. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1646. Д. 1.
19. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. 1646. Д. 2.
20. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 3б;
21. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 5.
22. РГАДА. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8.
23. РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1641. Д. 2.
24. Русско-индийские отношения в XVII в.: Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 455 с.
25. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян: Монография. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 335 с.

© Копанева Дина Дмитриевна (st036379@spbu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»